

)

Весь Джонатан Свифт

Сказка бочки

Diu multumque desideratum.

*Basima eacabasa eanaa irraurista,
diarba da caeotaba fobor camelanthi.*

Iren. Lib I. c. 18.

*Juvatque novos decerpere flores,
Insignemque meo capiti petere inde
coronam,*

Unde prius nulli velarunt tempora Musae.

Lucret.

Раздел I. Введение

Кто одержим честолюбием заставить толпу слушать себя, должен изо всех сил нажимать, толкаться, протискиваться, карабкаться, пока ему не удастся сколько-нибудь возвыситься над ней. Ведь в каждом собрании, битком набитом людьми, можно наблюдать такую особенность: над головами собравшихся всегда есть достаточно места; вся трудность в том, как его достичь, — ибо из массы выбраться так же нелегко, как из

пекла.

**Первое издание памфлета Свифта
«Сказка бочки» (A Tale of a Tub, 1704)**

Evadere ad auras

Нос opus, hic labor est¹.

Чтобы помочь беде, философы испокон веков применяли, свой способ: строили воздушные замки. Но несмотря на распространённость такого рода построек и давно приобретённую ими прочную репутацию, которая сохраняется и поныне, я смиренно полагаю, что все они, не исключая даже сооружения Сократа, подвесившего себя в корзине, чтобы привольнее было предаваться умозрению, страдают двумя явными неудобствами. Во-первых, фундамент у них возводится слишком высокий, так что часто они оказываются не доступными для зрения и всегда для слуха. Во-вторых, материалы их, крайне непрочные, сильно страдают от суровой погоды, особенно в наших северо-западных областях.

Таким образом, для верного достижения

1

Подняться к небу —
Вот работа, вот труд (лат.).

указанной высокой цели остаётся, насколько я могу представить, только три способа. Весьма заботливая в этом отношении мудрость наших предков придумала, в поощрение всех предприимчивых людей, три деревянных сооружения, которыми могли бы пользоваться ораторы, желающие без помехи произносить пространные речи. Сооружения эти: кафедра, лестница и странствующий театр. Ибо, что касается перил, то, хотя они делаются из того же материала и предназначаются для того же употребления, их нельзя, однако, удостоить четвёртого места вследствие их более низкого уровня, позволяющего соседям постоянно перебивать оратора. Сама трибуна, хоть она и достаточной высоты, тоже не имеет на это права, как бы ни настаивали её защитники. Ибо, если они соблаговолят рассмотреть её первоначальное назначение, а также побочные обстоятельства и околичности, служащие этому назначению, то легко признают, что теперешняя практика в точности соответствует первоначальному замыслу, а то и другое — этимологии слова, которое на финикийском языке необыкновенно выразительно и буквально означает — место для сна; в ходячем же употреблении под ним разумеют мягкое, обложенное подушками

сиденье для отдохновения старого подагрического тела; *senes ut in otia tuta recedant*². Что может быть справедливее такого возмездия? Так как прежде они пространно говорили, а другие в это время спали, то теперь могут спокойно спать, пока другие говорят.

Но если бы даже невозможно было привести никаких иных доводов для исключения трибуны и перил из списка ораторских сооружений, достаточно того, что допущение таковых опрокинуло бы число, которое я решил отстаивать во что бы то ни стало, в подражание мудрому методу многих других философов и великих учёных, в своём искусстве производить подразделения, облюбовывающих одно какое-нибудь мистическое число, которое их воображение делает до такой степени священным, что, вопреки здравому смыслу, они находят для него место в каждой части природы: сводят, включают и подгоняют к нему каждый род и вид, насильственно спаривая некоторые вещи и совершенно произвольно исключая другие. Итак, среди всех прочих чисел, больше всего занимало меня, в самых возвышенных моих умозрениях, число три, всегда доставлявшее мне неизъяснимое наслаждение. Сейчас печатается (и в ближайшее

---

² Пусть старики удаляются на покой (лат.).

время выйдет в свет) моё панегирическое рассуждение об этом числе, в котором я не только подвёл под его знамя, при помощи самых убедительных доводов, чувства и элементы, но и переманил на его сторону немало перебежчиков от двух его великих соперников семи и девяти.

Итак, первым из названных ораторских сооружений как по рангу, так и по достоинству является кафедра. Есть несколько видов кафедр на нашем острове, но я ценю только сделанные из дерева, срубленного в *Sylva Caledonia*³ и вполне пригодного для нашего климата. Чем более ветхи эти кафедры, тем лучше как в отношении передачи звука, так и других свойств, о которых речь будет впереди. Наиболее совершенной по форме и величине я считаю кафедру узенькую, с самым малым числом украшений, и особенно без балдахина (ибо по старинному правилу кафедра должна быть единственным непокрытым сосудом в каждом собрании, где ею законно пользуются); при этих условиях, благодаря своему большому сходству с позорным столбом, она всегда будет производить могущественное влияние на человеческие уши.

О лестницах мне нет надобности говорить. К чести нашего отечества, иностранцы сами

---

³ Каледонском лесу (лат.).

отметили, что мы превосходим все народы по части устройства и применения этого сооружения. Входящие на него ораторы доставляют удовольствие не только своим слушателям приятной речью, но и всему свету предварительным опубликованием этих речей; я рассматриваю их как изысканнейшую сокровищницу нашего британского красноречия, и мне сообщили, что достойный гражданин и книгопродавец мистер Джон Донтон с большим трудом собрал достоверную коллекцию, которую вскоре собирается издать в двенадцати томах *in folio*, с гравюрами на меди. Высокополезный и редкий труд, вполне достойный такой руки.

Последней разновидностью ораторских машин является странствующий театр ⁴, с искусством водружаемый *sub Jove pluvio, in triviis et quadriviis*⁵. Это великий питомник первых двух, и его ораторов посылают иногда на первую, иногда на вторую машину, соответственно их заслугам, так что между всеми тремя машинами существует самое тесное и постоянное общение.

Из этого тщательного описания ясно, что для

---

⁴ Ярмарочный балаган, ораторов которого автор предназначает к виселице либо к выступлениям на собраниях диссентеров.

⁵ Под дождём, на перекрёстках (лат.).

привлечения внимания публики необходимо требуется возвышенное место. Хотя это требование признаётся всеми, однако относительно причины его существует разногласие; и мне кажется, что очень немногие философы напали на правильное естественное разрешение указанного феномена. Самое глубокое и толковое объяснение из всех, какие мне попадались до сих пор, сводится к тому, что воздух, будучи тяжёлым и, следовательно (согласно системе Эпикура ⁶), постоянно опускающимся телом, должен ещё сильнее устремляться вниз под тяжестью и давлением слов, тоже являющихся тяжёлыми и увесистыми телами, как это видно из глубокого впечатления, которое они производят и оставляют в нас; поэтому их следует пускать с должной высоты, иначе они и не достигнут цели, и не упадут с достаточной силой.

Corpoream quoque enim vocem constare
fatendum est,
Et sonitam, quoniam possunt impellere sensus⁷.

---

⁶ Лукреций, книга 2.

7

Нужно признать ведь, что звуки и голос в себе заключают

Сущность телесную, так как воздействовать могут на чувство (лат.).

Я тем охотнее готов принять эту гипотезу, что она подкрепляется распространённым наблюдением: в разных собраниях, где выступают эти ораторы, сама природа научила слушателей стоять с открытыми и направленными параллельно горизонту ртами, так что они пересекаются перпендикулярной линией, опущенной из зенита к центру земли. При таком положении слушателей, если они стоят густой толпой, каждый уносит домой некоторую долю, и ничего или почти ничего не пропадает.

Должен признать, что расположение и архитектура наших современных театров отличаются ещё большим совершенством. Прежде всего партер, в должном соответствии с вышеописанным наблюдением, помещен ниже сцены, чтобы любая пущенная оттуда весомая материя (будь то свинец или золото) попадала прямо в пасть неким критикам (так будто бы называется эта порода), которые стоят наготове, чтобы слопать всё, что подвернётся. Далее, из внимания к дамам ложи построены полукругом и на одном уровне со сценой, ибо подмечено, что значительная доза остроумия, расточаемого для возбуждения своеобразного зуда, распространяется по определённой линии, всегда круговой. Слезливые чувства и жиденькие мысли, по крайней своей легковесности, мягко поднимаются к средней

области зала, где застывают и замораживаются ледяными умами тамошних завсегдатаев. Галиматья и шутовство, от природы воздушные и лёгкие, поднимаются на самый верх и, наверное, потерялись бы под крышей, если бы благоразумный архитектор не устроил для них с большой предусмотрительностью четвёртый ярус, называемый двенадцатипенсовой галереей, и не заселил его подходящей публикой, жадно подхватывающей их на лету.

Предложенная здесь физико-логическая схема ораторских вместилищ или машин содержит великую тайну, являясь некоторым прообразом, знаком, эмблемой, тенью, символом, составляя аналогию обширной республике писателей и приёмам, при помощи которых им приходится возноситься на известную высоту над низшими людьми. Кафедра знаменует собой писания наших современных великобританских святых, одухотворённые и очищенные от грязи и грубости внешних чувств и человеческого разума. Материал её, как уже было сказано, — гнилое дерево, по двум соображениям: во-первых, гнилое дерево обладает свойством светиться в темноте; во-вторых, поры его полны червей, что служит двойным прообразом⁸, поскольку имеет отношение к двум

---

⁸ Два главных свойства фанатического проповедника —

главным свойствам оратора и двоякой судьбе, постигающей его произведения.

Лестница является вполне подходящим символом политических интриг и поэзии, которым такое внушительное число писателей обязано своей славой. Политических интриг, потому что ⁹ ... (Пропуск в рукописи)... поэзии, потому что ораторы этого рода заканчивают свою речь пением; потому что, когда они медленно взбираются по ступенькам, судьба низвергает их в петлю задолго до достижения ими вершины; и наконец потому, что высокое звание поэта достигается заимствованием чужой собственности и смешением моего с твоим.

Образом странствующего театра охватываются все произведения, предназначенные для потехи и услаждения смертных, как-то: Шестипенсовые остроты, Вестминстерские

внутренний свет и голова, полная бредней, и две судьбы его писаний — быть сожжёнными или съеденными червями.

⁹ Здесь рукопись будто бы повреждена. Такие места встречаются у нашего автора весьма часто: оттого ли, что, по его мнению, он не может сказать ничего, заслуживающего внимания; оттого ли, что у него нет желания углубляться в предмет; оттого ли, что этот предмет маловажен, или, может быть, чтобы позабавить читателя (к чему он часто бывает очень склонен), или же, наконец, автор делает эти пробелы с некоторым сатирическим намерением.

проказы, Забавные рассказы, Универсальный весельчак и т. п., при помощи которых писатели с Граб-стрит и для Граб-стрит одержали в последние годы такую блестящую победу над временем, обрезали ему крылья, остригли ногти, выпилили зубы, перевернули его песочные часы, притупили косу, выдернули из сапог гвозди. К этому именно классу я позволяю отнести и настоящий трактат, будучи недавно удостоен чести избрания в члены столь славного братства.

Мне небезызвестны многочисленные нападки, которым в последние годы стала подвергаться продукция братства Граб-стрит, и постоянное обыкновение двух младших новоиспечённых обществ осмеивать наше братство и входящих в него писателей, как недостойных занимать место в республике остроумия и учёности. Собственная совесть без труда подскажет им, кого я имею в виду. Да и публика не такая уж невнимательная зрительница, чтобы не заметить постоянных усилий Грешемского и Вилльского¹⁰ обществ создать себе имя и репутацию на развалинах нашей славы. При нашей чувствительности и справедливости мы ещё

---

¹⁰ Кофейня Билля была прежде местом, где обыкновенно встречались поэты; хотя это ещё у всех свежо в памяти, однако через несколько лет может позабыться, и тогда встретится нужда в настоящем объяснении.

больше огорчаемся, когда видим в поведении этих обществ не только несправедливость, но также неблагодарность, непочтительность и бесчеловечность. В самом деле, как может публика и сами они (не говоря уже о том, что наши протоколы чрезвычайно обстоятельны и ясны в этом отношении) забыть, что оба эти общества суть питомники не только нашей посадки, но и нашей поливки? Мне сообщают, что оба наши соперника недавно задумали объединить свои силы и вызвать нас помериться с ними весом и числом выпускаемых книг. В ответ на этот вызов я почтительно предлагаю (с разрешения нашего президента) два возражения. Первое: мы утверждаем, что их предложение похоже на предложение Архимеда относительно менее трудного дела¹¹: оно практически неосуществимо; в самом деле, где им найти достаточно поместительные для наших книг весы и где сыскать математика, способного их сосчитать? Второе: мы готовы принять вызов, но с условием, чтобы было назначено третье незаинтересованное лицо и его беспристрастному суждению предоставлено было решить, какому обществу по справедливости принадлежит каждая книга, каждый трактат и памфлет. Богу ведомо, как этот вопрос в настоящее

---

¹¹ То есть его предложение сдвинуть Землю.

время далёк от определённости. Мы готовы составить каталог нескольких тысяч книг, на которые наше братство имеет самые бесспорные права, однако мятежная кучка новомодных писателей самым бессовестным образом приписывает их нашим врагам. По этим соображениям, мы считаем совершенно несовместимым с нашим благородием предоставить решение самим авторам, тем более что происки и козни наших противников вызвали широкое дезертирство в наших рядах и большая часть членов нашего общества уже перебежала на сторону врага; даже наши ближайшие друзья начинают держаться поодаль, словно бы стыдясь знаться с нами.

Вот всё, что я уполномочен сказать на столь неблагоприятную и прискорбную тему, ибо мы вовсе не хотим разжигать спор, продолжение которого может оказаться роковым для интересов обеих сторон, и нам было бы, напротив, гораздо желательнее по-дружески уладить наши разногласия. С своей стороны, мы настолько уступчивы, что готовы принять с распростёртыми объятиями обоих блудных сыновей, когда бы они ни надумали вернуться от своей шелухи и блудниц, — мне кажется, что это самое подходящее

название для занятий¹², которыми они в настоящее время увлечены. Подобно снисходительному отцу мы по-прежнему их любим и шлём им своё благословение.

Но величайший удар прежнему благожелательному отношению публики к писаниям нашего общества (если не считать, что нет ничего вечного под луной) нанесён был верхоглядством большинства нынешних читателей, которых никакими средствами невозможно убедить заглядывать под поверхность и оболочку вещей. Между тем мудрость — лисица, которую, после долгой охоты, нужно напоследок с большими усилиями доставать из норы; она — сыр, который тем лучше, чем толще, проще и грубее его корка, и для тонкого нёба самое лучшее в нём — черви; она — сладкий напиток, который тем вкуснее, чем больше вы отпиваете. Мудрость — курица, к кудахтанью которой мы должны прислушаться, потому что оно сопровождается яйцом; наконец, она — орех, который надо выбирать осмотрительно, иначе он может стоить вам зуба и вознаградить вас лишь червяком. В соответствии с этими важными истинами мои мудрые собратья всегда любили вывозить свои поучения и измышления в закрытых повозках образов и басен;

---

¹² Изощёренные эксперименты и современные комедии.

но так как они украшали их, пожалуй, заботливее и диковиннее, чем нужно, то с их повозками случилось то же, что обыкновенно случается со слишком хитро расписанными и раззолоченными каретами: они так ослепляют глаза прохожих и так поражают их воображение внешним блеском, что те забывают посмотреть на сидящего внутри владельца. Некоторым утешением в несчастье служит нам то, что мы разделяем его с Пифагором, Эзопом, Сократом и другими нашими предшественниками.

Однако чтобы впредь ни публика, ни мы не страдали от таких недоразумений, я внял настойчивым просьбам друзей и принялся за полное и кропотливое исследование главнейших произведений нашего общества, которые, помимо красивой внешности, способной привлекать поверхностных читателей, таят в тёмной своей глубине законченнейшие и утончённейшие системы всех наук и искусств. Я не сомневаюсь, что мне удастся вскрыть эти богатства путём раскручивания или разматывания, извлечь при помощи выкачивания или обнажить при помощи надреза.

Великий этот труд был предпринят несколько лет тому назад одним из наиболее выдающихся членов нашего общества. Он начал с Истории

Рейнеке-Лиса¹³, но не дожидаясь выхода в свет своего исследования, и смерть помешала ему продолжить столь полезное начинание, что весьма прискорбно, так как сделанное им открытие, которым он поделился с друзьями, получило теперь всеобщее признание: я думаю, никто из учёных не станет оспаривать, что эта знаменитая История является полным сводом политических знаний и откровением, или, вернее, апокалипсисом, всех государственных тайн. Но я двинул предпринятый труд гораздо дальше: мной уже закончены примечания к нескольким дюжинам таких произведений. Некоторыми из своих наблюдений я поделюсь с беспристрастным читателем, насколько это необходимо для вывода, к которому я стремлюсь.

Первой вещью, с которой я имел дело, является Мальчик-с-пальчик: автор его — пифагорейский философ. Этот тёмный трактат содержит целую систему метемпсихозы и излагает странствование души по всем её поприщам.

Дальше идёт Доктор Фауст, написанный

---

¹³ Автор, по-видимому, допускает здесь ошибку, так как я видел латинское издание Рейнеке-Лиса, выпущенное около ста лет назад; мне кажется, что это и есть оригинальное издание. Кроме того, многие считают, что оно преследует некоторую сатирическую цель.

Артефием, автором *bonae notae*¹⁴ и адептом. Он выпустил это сочинение на девятьсот восемьдесят четвёртом году своей жизни¹⁵. Писатель этот следует всё время путём реинкрудации или *via humida*¹⁶, и бракосочетание Фауста и Елены прозрачно освещает ферментацию мужского и женского дракона.

Виттингтон и его кошка — произведение таинственного рабби Иегуды Ганасси, содержащее защиту Гемары и иерусалимской Мишны и доказательство её превосходства над Мишной вавилонской вопреки общепринятому мнению.

Лань и пантера. Это шедевр знаменитого ныне¹⁷ живущего писателя, в котором он даёт сводку выдержек из шестнадцати тысяч схоластиков от Скотуса до Беллярмина.

Томми Поте. Другое произведение, приписываемое тому же автору и являющееся дополнением первого.

Набитый дурак, *cum appendice*¹⁸. Этот трактат блещет огромной эрудицией и может быть назван

---

14 Высокого качества (лат.).

15 Жил он тысячу лет.

16 Влажный способ (лат.).

17 В 1698 году.

18 С приложением (лат.).

великим образцом и источником всех доводов, которые приводятся во Франции и Англии в справедливую защиту современной учёности и остроумия против заносчивости, чванства и невежества древних. Неизвестный автор так полно исчерпал предмет, что всё написанное с тех пор по поводу этого спора, как это легко обнаружит проницательный читатель, есть почти сплошное повторение. Извлечение из этого трактата недавно было опубликовано одним достойным членом нашего общества¹⁹.

Приведённых образчиков, я думаю, достаточно, чтобы дать просвещённому читателю представление о характере всего произведения, которому посвящены теперь все мои мысли и занятия, и если смерть не помешает мне окончательно подготовить его к печати, я буду считать, что жалкий остаток²⁰ несчастной жизни нашёл благое употребление. Правда, труд этот почти непосилен для пера, изношенного до сердцевины на службе государству, когда им

---

¹⁹ Я полагаю, что здесь имеется в виду Рассуждение о древней и новой учёности мистера Уоттона.

²⁰ Здесь автор, по-видимому, пародирует Л'Эстренджа, Драйдена и других писателей, которые, проведя жизнь в пороках, политических интригах и вероломстве, имеют бесстыдство говорить о заслугах, невинности и страданиях.

столько было написано за и против папистских заговоров, мучных бочек²¹, билля об отводе, пассивного повиновения, предложений жизни и имущества, прерогатив, собственности, свободы совести и писем к другу; непосилен для ума и совести, изношенных и истрёпанных в постоянном вращении; для головы, пробитой в сотне мест недоброжелателями из враждебных партий, и для тела, истощённого плохо вылеченными венерическими болезнями, которыми я обязан доверчивому отношению к сводням и коновалам, оказавшимся (как обнаружилось впоследствии) заклятыми моими и правительства врагами, выместившими свою партийную злобу на моём носе и моих ногах. Девяносто одну брошюру написал я при трёх царствованиях к услугам тридцати шести политических группировок. Однако, видя, что государство не нуждается больше во мне и в моих чернилах, я добровольно удаляюсь проливать их на более подходящие философу размышления, несказанно удовлетворённый безупречностью всей долгой жизни моей.

Но вернёмся к делу. Приведённых выше образцов, я уверен, достаточно, чтобы обелить в

---

²¹ В царствование Карла II в одной мучной бочке были найдены документы о пресвитерианском заговоре, наделавшем тогда много шума.

глазах беспристрастного читателя остальные произведения нашего общества от распространяемой, ясное дело, завистью и невежеством клеветы, будто нет от них людям никакой пользы и добра и годны они только на то, чтобы развлекать остроумием и слогом; ибо этих последних качеств, мне кажется, ещё не оспаривал у нас самый крайний недоброжелатель. И вот на всём протяжении настоящего трактата я, как в отношении обоих названных качеств, так и в более глубоком и сокровенном смысле, наиболее образом следовал самым прославленным образцам. И чтобы все требования были выполнены, я, после долгих размышлений и с великим напряжением ума, добился в заглавии моего трактата (под которым я намерен пустить его в обращение при дворе и в городе) точного соответствия со своеобразной манерой нашего общества.

Признаюсь, я не поскупился на заглавия²², ибо заметил всё возрастающую склонность к их усложнению среди писателей, к которым я питаю величайшее уважение. И действительно, ничего нет неразумного в том, чтобы книги, дети мозга, бывали окрещены несколькими именами, подобно

---

²² Титульный лист рукописи был так изорван, что не удалось разобрать некоторые из упоминаемых здесь автором заглавий.

детям знатных особ. Наш знаменитый Драйден пошёл ещё дальше, попробовав ввести также многочисленных крёстных отцов²³, что является значительным усовершенствованием по весьма понятной причине. Жаль, что это удивительное изобретение не привилось лучше и не распространилось с тех пор путём всеобщего подражания, — ведь пример подан таким высоким авторитетом. Сам я не щадил сил на поддержку столь полезного начинания. Однако с приглашением крёстного отца сопряжены большие расходы, что, можете себе представить, совсем вылетело у меня из головы. В чём тут было дело, не могу сказать наверное; однако, после того как с величайшим трудом и крайним напряжением мысли удалось мне раздробить свой трактат на сорок разделов и я обратился к сорока знакомым лордам с просьбой удостоить меня чести быть крёстными отцами, все они прислали мне вежливый отказ, сочтя выступление в этой роли несовместимым со своей совестью.

---

²³ См. его перевод Вергилия.

Раздел II. Сказка бочки

Жил когда-то человек, у которого было трое сыновей ²⁴ от одной жены, родившихся одновременно, так что даже повивальная бабка не могла сказать наверняка, кто из них старший. Отец умер, когда они были ещё очень молоды; на смертном ложе, подзвав к себе юношей, он сказал так:

Сыновья! Так как не нажил я никакого имения и ничего не получил по наследству, то долго раздумывал, что бы хорошее завещать вам. Наконец, с большими хлопотами и затратами удалось мне справиться каждому из вас по новому кафтану²⁵ (вот они). Знайте же, что у кафтанов этих есть два замечательных свойства. Первое: если вы будете носить их бережно, они сохранятся свежими и исправными в течение всей вашей

---

²⁴ Под этими тремя сыновьями: Петром, Мартином и Джеком, подразумеваются папство, англиканская церковь и наши протестантские диссентеры. У. Уоттон.

²⁵ Под кафтанами, которые он завещал сыновьям, подразумевается еврейское платье. У. Уоттон. Ошибка (да позволено мне будет указать) учёного комментатора, ибо под тремя кафтанами подразумеваются догматы и вероучение христианства, мудростью божественного основателя приспособленные для всякого времени, места и обстоятельства. Ламбен.

жизни. Второе: они сами собой будут удлиняться и расширяться соответственно вашему росту, так что всегда будут вам впору. Позвольте же мне перед смертью взглянуть, как они сидят на вас. Так, отлично! Прошу вас, дети, носите их опрятно и почаще чистите. Вы найдёте в моём завещании²⁶ (вот оно) подробнейшие наставления, как носить кафтаны и держать их в порядке; соблюдайте же эти наставления в точности, если хотите избежать наказаний, положенных мной за малейшее их нарушение или несоблюдение; всё ваше будущее благополучие зависит от этого. В своём завещании я распорядился также, чтобы вы по-братски и по-дружески жили вместе в одном доме; если вы меня слушаетесь, не будет вам счастья на свете.

Тут, гласит предание, добрый отец умер, и три сына пошли сообща искать себе счастья.

Не буду докучать вам рассказом о приключениях, выпавших на их долю в первые семь лет, скажу только, что они свято соблюдали отцовское завещание и держали кафтаны в отличном порядке; посетили разные страны, выдержали схватку со множеством великанов и одолели несколько драконов.

Достигнув возраста, когда им можно было показываться в свете, приехали они в город и стали

---

²⁶ Новом завете.

волочиться за дамами, особенно за тремя, бывшими в то время в большой славе: герцогиней d'Argent, madame de Grands Titres и графиней d'Orgueil²⁷. При первом своём появлении трое наших искателей приключений встретили очень дурной приём. Они быстро смекнули, чем это вызвано, и немедленно начали делать успехи в тонком городском обхождении: писали, зубоскалили, подбирали рифмы, пели; говорили, ничего не высказывая; пили, дрались, распутничали, спали, ругались и нюхали табак; ходили в театры на первые представления; слонялись по кондитерским, учинили драку с городской стражей, ночевали на улице и заражались дурными болезнями; обсчитывали извозчиков, должны лавочникам и спали с их жёнами; избивали до смерти судебных приставов, спускали с лестницы скрипачей; обедали у Локета, бездельничали у Билля; говорили о гостиных, в которых никогда не бывали; обедали с лордами, которых в глаза не видели; шептали на ухо герцогине, которой никогда не сказали ни слова; выдавали каракули своей прачки за

---

²⁷ Любовницами их были: герцогиня d'Argent, mademoiselle de Grands Titres и графиня d'Orgueil, то есть Кориостолюбие, Честолюбие и Гордость — три великих порока, на которые ополчались первые отцы церкви как на главную язву христианства. У. Уоттон.

любовные записки знатных дам; то и дело приезжали прямо из дворца, где их никто не видел; бывали на утреннем приёме короля *sub dio*²⁸; выучивали наизусть список пэров в одном обществе и болтали о них как о коротких знакомых — в другом. А больше всего любили бывать в собраниях сенаторов, которые безгласны в палате, но шумят в кофейнях, где пережёвывают по вечерам политические темы, окружённые тесным кольцом учеников, жадно подбирающих роняемые ими крохи. Трое братьев приобрели ещё сорок таких же высоких качеств, перечислять которые было бы скучно, и в результате стали вполне заслуженно пользоваться репутацией самых благовоспитанных людей в городе. Но даже всего этого оказалось недостаточно, и вышеупомянутые дамы по-прежнему оставались непреклонны. Чтобы пролить свет на лежавшее тут препятствие, я должен, с любезного разрешения читателя и злоупотребляя его терпением, остановиться на некоторых важных обстоятельствах, недостаточно разъяснённых писателями нашей эпохи.

Около этого времени ²⁹ возникла секта,

---

²⁸ Под открытым небом (лат.).

²⁹ Эта сатира на одежду и моды предназначена для связи с последующим.

учение которой распространилось очень широко, особенно в высшем свете и среди модников. Приверженцы её поклонялись некоему идолу³⁰, который, согласно учению, ежедневно создаёт людей при помощи особых механических приёмов. Этого идола они ставили в самом верхнем этаже дома, на алтаре в три фута вышиной. Там восседал он на плоскости в позе персидского шаха, подогнув под себя ноги. Эмблемой этого бога был гусь; вследствие чего некоторые учёные выводят его происхождение от Юпитера Капитолийского. По левую руку от алтаря как бы разверзался ад, который поглощал создаваемых идолом животных. Для предотвращения этого несчастья некоторые жрецы время от времени бросали туда куски неодушевлённой материи или вещества, а иногда и целые уже оживлённые члены, которые эта ужасная пасть ненасытно пожирала, так что страшно было смотреть. Гусь также почитался как подчинённое божество или *Deus minorum gentium*³¹, на алтарь которого приносилась в жертву та тварь, что постоянно питается человеческой кровью и повсюду пользуется большим почётом, так как является любимым лакомым блюдом египетского

---

³⁰ Под этим идолом подразумевается портной.

³¹ Бог низших племён (лат.).

sercorithesus'a ³² . Миллионы этих животных жестоко истреблялись ежедневно, чтоб утолить голод прожорливого божества. Главный идол почитался также изобретателем ярда и иголки, в качестве ли бога моряков или по причине неких других таинственных свойств, — вопрос этот не получил ещё достаточного освещения.

У почитателей этого божества был также свой символ веры, основывавшийся, по-видимому, на следующих основных догматах. Они считали вселенную огромным платьем, облекающим каждую вещь. Так, платье земли — воздух; платье воздуха — звёзды; платье звёзд — первый двигатель. Взгляните на шар земной, и вы убедитесь, что это полный нарядный костюм. Что такое то, что иные называют сушей, как не изящный кафтан с зелёной оторочкой? Что такое море как не жилет из волнистого муара? Обратитесь к отдельным творениям природы, и вы увидите, какой искусной портнихой была она, наряжая щёголей из растительного царства. Посмотрите, какой щегольской парик украшает верхушку бука, какой изящный камзол из белого атласа носит берёза! Наконец, что такое сам

---

³² Почитаемая египтянами обезьяна, очень любящая есть вшей, названных в тексте тварями, питающимися человеческой кровью.

человек как не микрокафтан³³ или, вернее, полный костюм со всей отделкой? Что касается человеческого тела, то тут не может быть никаких споров. Но исследуйте также все душевные качества: вы найдёте, что все они по порядку составляют части полного туалета. Возьмём несколько примеров. Разве религия не плащ, честность не пара сапог, изношенных в грязи, самолюбие не сюртук, тщеславие не рубашка и совесть не пара штанов, которые хотя и прикрывают похоть и срамоту, однако легко спускаются к услугам той и другой?

Исходя из такого допущения и рассуждая последовательно, мы необходимо придём к выводу, что те сущности, которые мы неточно называем платьями, в действительности являются наиболее утончёнными видами животных и даже больше — разумными тварями или людьми. Ведь разве не ясно, что они живут, движутся, говорят и совершают все прочие отправления человека? Разве красота, ум, представительная наружность и хорошие манеры не неотъемлемые их свойства? Словом, мы только и видим, что их, только их и слышим. Разве не они гуляют по улицам, наполняют парламенты, кофейни, театры и

---

³³ Намёк на слово микрокосм, или малый мир, как называют человека философы.

публичные дома? И правда, эти живые существа, по невежеству называемые платьями или одеждой, получают различные наименования, смотря по тому, из чего они состоят. Так, сочетание золотой цепи, красной мантии, белого жезла и большой лошади называется лорд-мэром; сочетание в определённом порядке горноста и других мехов величается нами судьёй, а подходящее соединение батиста с чёрным атласом титулуется епископом.

Другие последователи этой секты, принимая основные её догматы, ещё больше изощрили некоторые второстепенные пункты. Так, они утверждали, что человек есть животное, состоящее из двух платьев — природного и небесного, под которыми подразумевали тело и душу: душа — верхняя одежда, тело — нижняя, причём последняя — *ex traduce*³⁴, но первая творится и облекается ежедневно. Они доказывали это при помощи Писания, так как в них мы живём и движемся и существуем, а также при помощи философии, потому что они все во всём и все в каждой части. Кроме того, говорили они, разделите эти две одежды, и вы обнаружите, что тело есть лишь бесчувственный отвратительный труп. Из всего этого явствует, что верхняя одежда необходимо должна быть душой.

---

³⁴ Из отводка (лат.).

С этой системой религиозных догматов связывались разные второстепенные теории, встречавшие в городе весьма благожелательный приём. Так, например, тамошние учёные следующим образом толковали душевные способности: вышивка — неистощимое остроумие; золотая бахрома — приятное обхождение; золотые галуны — находчивый ответ; большой парик — юмор, густо напудренный кафтан — балагурство. Умелое применение этих способностей требовало, однако, крайней изощрённости и деликатности, а также своевременности и строгого соблюдения требований моды.

С большим трудом, при помощи учёных изысканий, удалось мне извлечь из древних авторов этот краткий очерк философской и богословской системы, являющейся, по-видимому, плодом весьма своеобразного склада мысли и в корне отличной от всех других систем, древних и новых. И я пустился в эти изыскания не столько для развлечения читателя или удовлетворения его любознательности, сколько желая пролить свет на некоторые подробности этой повести: я хочу, чтобы, зная умонастроение и взгляды столь отдалённой эпохи, читатель лучше понял великие события, которые проистекли из них. Поэтому советую благосклонному читателю с величайшим вниманием многократно перечитать всё написанное

мной на эту тему. Теперь же, заканчивая своё отступление, я заботливо подбираю главную нить моей повести и продолжаю.

Итак, эти взгляды и практическое их применение были настолько распространены в изысканных придворных и городских кругах, что трое наших братьев — искателей приключений — совсем растерялись, попав в очень щекотливое положение. С одной стороны, три названные нами дамы, за которыми они ухаживали, были отъявленными модницами и гнушались всего, что хоть на волосок отклонялось от требований последней моды. С другой стороны, завещание отца было совершенно недвусмысленно и, под страхом величайших наказаний, запрещало прибавлять к кафтанам или убавлять от них хотя бы нитку без прямого на то предписания. Правда, завещанные отцом кафтаны были из прекрасного сукна и сшиты так ладно, что положительно казались сделанными из цельных кусков, но в то же время были очень просты и с самыми малыми украшениями или вовсе без украшений³⁵. И вот случилось, что не пробыли

---

³⁵ Первая часть этой сказки содержит историю Петра и, таким образом, изображает папизм. Каждому известно, что паписты осложнили христианство большими добавлениями, что им и ставит главным образом в упрёк англиканская церковь. Соответственно этому Пётр начинает свои проделки

братья и месяца в городе, как вошли в моду большие аксельбанты³⁶; немедленно все стали щеголять в аксельбантах; без пышных аксельбантов нельзя было проникнуть в дамские будуары. У этого парня нет души! — восклицала одна, — где его аксельбант? Три брата на горьком опыте скоро убедились, какой недостаток в их туалете; каждое их появление на улице вызывало насмешки и оскорбления. Приходили они в театр, капельдинер посылал их на галёрку; кликали лодку, — лодочник отвечал: Мой ялик только для господ; хотели распить в Розе бутылочку, — слуга кричал: Здесь пива не подают, любезные! Делали визит к даме,

---

нашивкой аксельбанта на свой кафтан. У. Уоттон. Описание сукна, из которого был сшит кафтан, имеет более глубокое значение, чем то, что выражено словами: «Завещанные отцом кафтаны были из прекрасного сукна и сшиты так ладно, что положительно казались сделанными из цельных кусков, но в то же время были очень просты и с самыми малыми украшениями или вовсе без украшений». В том отличительная особенность христианской религии. *Christiana religio absoluta et simplex* (Перевод: Христианская религия совершенна и проста (лат.)) по свидетельству Аммиана Марцеллина, который сам был язычник. У. Уоттон.

³⁶ Под аксельбантами подразумевается внесение в церковь пышности и ненужных украшений, создававших лишь неудобство и не годившихся для назидания, подобно бесполезному аксельбанту, который лишь нарушает симметрию.

лакей встречал их на пороге словами: Передайте мне ваше поручение. В этом бедственном положении братья немедленно обратились к отцовскому завещанию, читали его вдоль и поперёк, но об аксельбантах не нашли ни слова. Что было делать? Как выйти из затруднения? И повинование было необходимо, и аксельбантов до смерти хотелось. После долгих размышлений один из братьев, который был начитаннее двух других, заявил, что придумал выход. Действительно, сказал он, в завещании нет никакого упоминания об аксельбантах *totidem verbis*³⁷, но я осмеливаюсь высказать предположение, что мы можем найти их там *inclusive* или *totidem syllabis*³⁸. Это различие тотчас же было одобрено, и братья снова принялись внимательно перечитывать завещание. Но несчастная их звезда подстроила так, что первого слога не оказалось во всей бумаге. Неудача не смутила, однако, того из братьев, что придумал первую увёртку. Братья, сказал он, не теряйте

---

³⁷ В таких именно словах (лат.). Когда паписты не могут найти нужного им текста в Писании, они обращаются к устному преданию. Так, Пётр удовлетворяется здесь отыскиванием всех букв слова, за которым он обращается к завещанию, когда ни составных слогов, ни тем более целого слова там не оказывается *in terminis*. У. Уоттон.

³⁸ По слогам (лат.).

надежды; хотя мы не находим то, чего ищем, ни *totidem verbis*, ни *totidem syllabis*, но ручаюсь, что мы разыщем нужное нам слово *tertio modo* или *totidem litteris*³⁹. Эта замечательная мысль тоже была встречена горячим одобрением, и братья ещё раз принялись за работу. В самое короткое время они выискали А, С, Е, Л, Ъ, Б, А, Н, Т. Но их положительно преследовала враждебная планета: буква К ни разу не встречалась во всём завещании. Затруднение казалось непреодолимым! Но находчивый брат (мы вскоре придумаем для него имя) при помощи весьма веских доводов, с завещанием в руке, доказал, что К — новая незаконная буква, неизвестная в просвещённые времена и отсутствующая в древних рукописях. Правда, сказал он, слово *calendae*⁴⁰ писалось иногда в Q. V. C.⁴¹ через К, но ошибочно, потому что в лучших списках всегда стоит С. Вследствие этого большая ошибка писать аксельбант с К, и в будущем он примет меры к тому, чтобы эта буква была выброшена. После этого все затруднения исчезли: аксельбанты были явно дозволены *jure*

---

³⁹ Третьим способом: по буквам (лат.).

⁴⁰ Календы (лат.).

⁴¹ *Quibusdam veteribus codicibus* — в некоторых древних рукописях (лат.).

paterno⁴², и три наших кавалера со спокойной совестью стали важно разгуливать с такими же огромными развевающимися аксельбантами на кафтанах, как у самых записных модников. Но человеческое счастье непрочно; недолговечными оказались и тогдашние моды, от которых это счастье всецело зависит. Аксельбанты отжили своё время, и мы должны теперь представить, как они постепенно вышли из моды. Дело в том, что приехал из Парижа один вельможа с пятьюдесятью ярдами золотых галунов на кафтане, нашитых по последней придворной моде. Через два дня все нарядились в кафтаны, сверху донизу обшитые золотым галуном⁴³; кто осмеливался показываться в обществе, не украсив себя золотым галуном, тот вызывал скандал и встречал дурной приём у женщин. Что было делать трём нашим рыцарям в столь важных обстоятельствах? Они уже допустили большую натяжку относительно аксельбантов; обратившись к завещанию, братья нашли лишь *altum silentium*⁴⁴. Аксельбанты были внешним,

---

⁴² По праву отца (лат.).

⁴³ Не могу сказать, обозначает ли автор этими словами какое-либо нововведение или же только новые способы насилия над Писанием и искажения его.

⁴⁴ Глубокое молчание (лат.).

болтающимся, несущественным привеском, галуны же казались слишком серьёзным изменением, чтобы произвести его без достаточного полномочия; они *aliquo modo essentiae adhaerere*⁴⁵, и ношение их требовало поэтому прямого предписания. К счастью, как раз в это время упомянутый учёный брат прочёл Диалектику Аристотеля и особенно его удивительный трактат об истолковании, научающий нас искусству находить для каждой вещи любое значение, кроме правильного; так поступают комментаторы Откровений, которые объясняют пророков, не понимая ни одного слова текста. Братья, сказал он, да будет вам известно⁴⁶, что *duo sunt genera*⁴⁷ завещаний: устные⁴⁸ и письменные.

Что в этом письменном завещании, лежащем перед нами, нет предписания или упоминания о

---

⁴⁵ Некоторым образом причастны сущности (лат.).

⁴⁶ Ближайшим предметом остроумия автора являются глоссы и толкования Писания; целый ряд таких нелепых толкований допущен в канонических книгах римской церкви. У. Уоттон.

⁴⁷ Есть два рода (лат.).

⁴⁸ Здесь имеется в виду предание, признаваемое римской церковью таким же авторитетом, как и Писание, и даже большим.

золотых галунах, *conceditur*⁴⁹, но *si idem affirmetur de nuncupatorio, negatur*⁵⁰, ибо, если вы помните, братья, мы слышали, когда были маленькими, как кто-то сказал, что он слышал, как слуга моего отца сказал, что он слышал, как отец сказал, что он советует сыновьям завести золотые галуны на кафтанах, как только средства позволят нам купить их.

— Ей-богу, это правда! — воскликнул другой брат. — Как же, прекрасно помню! — отозвался третий. Без дальнейших споров обзавелись они широчайшими галунами в приходе и стали разгуливать нарядные, как лорды.

Вскоре после этого вошёл в большую моду очень изящный атлас огненного цвета ⁵¹ для

---

⁴⁹ Допустим (лат.).

⁵⁰ Если кто станет утверждать то же самое об устном завещании, будем отрицать (лат.).

⁵¹ Намёк на чистилище, о котором автор ниже говорит подробнее, здесь же лишь с целью показать, как было искажено Писание в угоду этому вымыслу; апокрифы, названные здесь припиской к завещанию, были приравнены к каноническим книгам. Каждое из упоминаемых здесь изменений в costume братьев автор, вероятно, связывает с определённым заблуждением римской церкви; впрочем, я думаю, не легко найти применение им всем; ясно только, что атлас огненного цвета намекает на чистилище; под золотыми галунами следует, может быть, подразумевать пышные

подкладки, и тотчас же один купец принёс нашим кавалерам образчик. Не понравится ли вашей милости (сказал он)? Милорд Клиффорд и сэр Джон Уолтер ⁵² вчера только взяли себе на подкладку из этого куска; берут нарасхват, и завтра к десяти часам утра у меня не останется даже лоскутка на подушечку для булавок жене. Тут братья снова уткнулись в завещание, находя, что теперешний случай тоже требует прямого предписания, так как подкладка считалась ортодоксальными писателями сущностью кафтана. Долго искали, но ничего не могли найти, кроме коротенького совета отца остерегаться огня ⁵³ и тушить свечи перед отходом ко сну. Совет этот, хотя и очень подходил к делу и сильно укреплял сложившееся у братьев убеждение, всё же не обладал всей категоричностью прямого

украшения и богатую утварь в церквах. Аксельбанты и серебряная бахрома не столь очевидны, по крайней мере мне; но индийские фигурки мужчин, женщин и детей явно относятся к иконам в римских церквах, на которых бог изображается в виде старика, дева Мария — в виде девушки и Спаситель — в виде ребёнка.

⁵² Имена эти указывают на время, когда автор писал настоящие строки: четырнадцать лет назад два названные лица считались первыми модниками в городе.

⁵³ То есть остерегаться ада и с этой целью укрощать и тушить свои вожделения.

предписания; тогда, чтобы положить конец дальнейшим сомнениям и устранить в будущем поводы для соблазна, учёный брат заявил следующее: «Помнится, читал я в завещаниях об особых приписках, являющихся их составной частью; всё, что содержится в этих приписках, имеет такую же силу, как и само завещание. И вот, внимательно осмотрев завещание нашего отца, я не могу признать его полным вследствие отсутствия в нём такого рода приписки. Поэтому я и хочу прикрепить её поискуснее в подобающем месте: приписка эта давно у меня, она составлена псарём моего дедушки⁵⁴, и в ней, к счастью, очень обстоятельно говорится как раз об атласе огненного цвета». Оба других брата тотчас с ним согласились; кусок старого пергамента по всем правилам искусства был приклеен к завещанию; атлас куплен и пришит к кафтанам в качестве подкладки.

В следующую зиму один актёр, подкупленный цехом бахромщиков, играл свою роль в новой комедии, весь по крытый серебряной бахромой⁵⁵, после чего, согласно похвальному обычаю, бахрома эта вошла в моду. Когда братья обратились за

---

⁵⁴ Мне кажется, это относится к той части апокрифических книг, где упоминается о Товите и его собаке.

⁵⁵ Это несомненный намёк на дальнейший рост пышности церковных облачений и украшений.

советом к завещанию, они, к великому своему изумлению, нашли там слова: а также строжайше запрещаю поименованным трём сыновьям моим носить какую-либо серебряную бахрому как на указанных кафтанах, так и кругом них и т. д.; далее следовал перечень наказаний в случае ослушания: он слишком велик для того, чтобы приводить его здесь. Однако по прошествии некоторого времени брат, выдававшийся своей начитанностью и весьма искусный по части критики, нашёл у некоего писателя, которого называть не захотел, что стоящее в завещании слово бахрома значит также метла и, несомненно, должно быть истолковано здесь в таком смысле. С этим не согласился один из остальных братьев, потому что, по его скромному мнению, эпитет серебряный едва ли мог быть применён к метле; но в ответ ему было заявлено, что эпитет этот следует понимать в мифологическом и аллегорическом смысле. Однако скептик не унимался и спросил, зачем отцу понадобилось запрещать им носить метлу на кафтанах, — предостережение ненужное и нелепое; его резко оборвали за столь непочтительное отношение к тайне, которая, несомненно, весьма полезна и многозначительна, но не следует чересчур о ней умствовать и со слишком большим любопытством совать в неё нос. Словом, отцовский авторитет в то время уже настолько поколебался,

что эта выдумка была принята как законное дозволение увешать себя серебряной бахромой с головы до пят.

Через некоторое время возродилась старинная, давно забытая мода на вышитые индийские фигурки⁵⁶ мужчин, женщин и детей. Тут им не было надобности обращаться к завещанию. Братья отлично помнили, какое отвращение питал всегда их отец к этой моде; завещание содержало даже несколько специальных оговорок, в которых он выражал своё крайнее порицание и грозил сыновьям вечным проклятием, если они вздумают носить упомянутые фигурки. Невзирая на это, через несколько дней они разрядились как первейшие городские модники. Затруднения же разрешили, говоря, что теперешние фигурки вовсе не те самые, что носили когда-то, и которые подразумеваются в завещании. Кроме того, братья носили их не в том смысле, в какой они были запрещены отцом, но следуя похвальному и весьма полезному для общества обычаю. Таким образом, по мнению братьев, эти строгие оговорки завещания требовали некоторого смягчения и

---

⁵⁶ Иконы святых, девы Марии и Спасителя в виде ребёнка. Ibid. Иконы римской церкви служат автору чрезвычайно удобным предлогом. Братья отлично помнили и т. д. Аллегория здесь прямая. У. Уоттон.

благожелательного толкования; их следовало понимать *cum grano salis*⁵⁷.

Но так как моды в те времена менялись беспрестанно, то учёному брату надоело искать дальнейшие увёртки и разрешать возникающие одно за другим противоречия. Решив во что бы то ни стало следовать светским модам, братья обсудили положение вещей и единогласно постановили запереть отцовское завещание в крепкий ящик⁵⁸, привезённый из Греции или Италии (я забыл, откуда именно), и больше не беспокоить себя обращением к нему, а только ссылаться на его авторитет, когда они сочтут нужным. Вследствие этого, когда вскоре широко распространилась мода носить бесчисленное количество шнурков, в большинстве случаев с серебряными наконечниками, учёный брат заявил *ex cathedra*⁵⁹, что шнурки вполне согласуются с *jure*

---

⁵⁷ С долей иронии (лат.).

⁵⁸ Паписты прежде запрещали мирянам чтение Писания на родном языке: поэтому Пётр запирает отцовское завещание в крепкий ящик, привезённый из Греции или Италии. Эти страны названы потому, что Новый завет написан по-гречески, а вульгарная латынь, перевод на которую служит каноническим текстом Библии в римской церкви, является языком древней Италии. У. Уоттон.

⁵⁹ С кафедры (лат.). В своих декретах и буллах папы

paterno, как все они хорошо помнят. Правда, мода в своих требованиях шла немного дальше прямых предписаний завещания, однако в качестве полномочных наследников своего отца они вправе сочинять и прибавлять некоторые оговорки на общее благо, хотя бы их и невозможно было вывести *totidem verbis* из буквы завещания, так как иначе *multa absurda sequerentur*⁶⁰. Это заявление было признано каноническим, и в следующее воскресенье братья пришли в церковь, с головы до пят покрытые шнурками.

Столь часто упоминаемый учёный брат прослыл с тех пор знатоком во всех такого рода вопросах; поэтому, когда дела его пошатнулись, он удостоился милости быть приглашённым в дом к одному вельможе⁶¹ учить его детей. Спустя некоторое время вельможа умер, и учёный брат,

---

дали свою санкцию многим выгодным для них учениям, которые ныне приняты римской церковью, хотя о них нет упоминания в Писании и они были неизвестны древней церкви. Поэтому Пётр объявляет *ex cathedra*, что шнурки с серебряными наконечниками вполне согласуются с *jure paterno*, и братья стали носить их в большом количестве. У. Уоттон.

⁶⁰ Последует много нелепостей (лат.).

⁶¹ Подразумевается Константин Великий, от которого папы будто бы получили в дар вотчину св. Петра, хотя они никогда не могли представить доказательства.

набивший руку на отцовском завещании, ухитрился смастерить дарственную запись, отказывающую этот дом ему и его наследникам. Тотчас же он вступил во владение, выгнал детей покойника и вместо них поселил своих братьев⁶².

Раздел III. Отступление касательно критиков

Хотя до сих пор я всячески старался точнейшим образом соблюдать в своих произведениях правила и методы, преподанные примером наших знаменитых современников, но несчастная слабость памяти привела меня к одной ошибке, из которой я должен теперь же выпутаться, чтобы подобающим образом продолжать рассказ. Со стыдом сознаюсь, что сделал непростительное упущение, зайдя уже так далеко и ни разу не обратившись к милостивым государям критикам с укоризненными, просительными или задабривающими речами. Чтобы несколько

---

⁶² Римские епископы первоначально получили свои привилегии от императоров, которых в заключение вытеснили из их собственной столицы, после чего сочинили в оправдание своего поступка сказку о Константиновом даре. На это намекает поведение Петра, который, когда дела его пошатнулись, удостоился милости и т. д. У. Уоттон.

загладить этот прискорбный промах, почтительно позволяю себе преподнести им краткую характеристику их природы и их искусства, где я исследую происхождение и генеалогию слова в общепринятом его значении и даю самый беглый обзор состояния критики в древности и теперь.

Словом критик, столь употребительным в разговорах нашего времени, некогда обозначались три весьма различных рода смертных, насколько я могу судить по книгам и памфлетам древних авторов. Так назывались прежде всего люди, придумавшие и изложившие для себя и для публики правила, при помощи которых вдумчивый читатель способен судить о литературных произведениях, образовать свой вкус для правильного распознавания возвышенного и прекрасного и отличать подлинную красоту содержания или формы от бездарного обезьяньего подражания ей. При чтении книг такие критики отмечали ошибки и недочёты, пошлость, непристойность, глупость и нелепость с предосторожностями человека, проходящего утром по улицам Эдинбурга и прилежно разглядывающего грязь на дороге вовсе не потому, что его интересует цвет и состав навозной кучи и хочется определить её количество, поваляться в ней или попробовать её на вкус, а лишь с целью обойти её так, чтобы не замараться. Такие люди,

по-видимому, впадали в большое заблуждение, понимая слово критик в буквальном смысле и считая, что главной его обязанностью является похвала и воздаяние должного и что критик, читающий книгу только с целью обругать её и подвергнуть порицанию, такой же варвар, как судья, принимающий решение вешать без разбора всех, кого ему доведётся судить.

Далее, словом критик обозначали тех, кто возрождал древнюю литературу, очищал её от червей, плесени могил и пыли рукописей.

Но вот уже несколько веков, как обе эти породы совершенно вымерли, и, кроме того, рассуждать о них вовсе не входит в мои намерения.

Третьим и благороднейшим видом является истинный критик, род которого гораздо древнее, чем предыдущих. Каждый истинный критик — полубог от рождения, происходящий по прямой линии от небесного племени Мома и Гибриды, которые родили Зоила, который родил Тигеллия, который родил Ипрочая старших, которые родили Бентли, Раймера, Уоттона, Перро и Денниса, которые родили Ипрочая младших.

От этих Критиков республика просвещения получала спокон веков столько благодеяний, что благодарные почитатели приписали им небесное происхождение, подобно Геркулесу, Тезею, Персею и другим великим благодетелям человечества. Но

даже добродетель героев не была пощажена злыми языками. Этим полубогам, прославившимся победами над столькими великанами, драконами и разбойниками, был брошен упрёк, что сами они причинили больше вреда человечеству, чем любое, из поверженных ими чудовищ; таким образом, для завершения своих благодеяний им бы следовало, по истреблении всех прочих паразитов, с такой же решимостью расправиться и с собой, — поступил же так с большим благородством Геркулес, заслужив себе вследствие этого больше храмов и приношений, чем прославленнейшие из его собратьев. Вот почему, мне кажется, возникла мысль, что великое будет благо для просвещения, если каждый истинный критик тотчас по окончании взятой на себя работы примет яд, накинёт на шею верёвку или бросится в пропасть с приличной высоты и если ничьи притязания на столь почётное звание ни в коем случае не будут удовлетворяться до завершения этой операции.

Из этого небесного происхождения критики к тесного её родства с героической добродетелью легко вывести, в чём назначение всамделишного древнего истинного критика. Он должен странствовать по обширному книжному царству; преследовать и гнать встречающиеся там чудовищные глупости, извлекать на свет скрытые ошибки, как Какуса из пещеры; умножать их, как

головы Гидры, и сгребать в кучу, как навоз авгиевых конюшен. Или же прогонять особую породу опасных птиц, имеющих дурную склонность объедать лучшие ветви дерева познания, подобно тому, как стимфалийские птицы истребляли плоды.

Эти рассуждения приводят к точному определению истинного критика: истинный критик есть искатель и собиратель писательских промахов. Бесспорность этого определения станет ясной при помощи следующего довода: если исследовать все виды произведений, которыми эта древняя секта удостоила мир, из общего их направления и характера сразу обнаружится, что мысли их авторов устремляются исключительно на ошибки, промахи, недосмотры и оплошности других писателей. Их воображение до такой степени поглощено и наполнено этими чужими недостатками, что, с чем бы они ни имели дело, в их собственные писания всегда просачивается квинтэссенция дурных качеств, и в целом они кажутся лишь экстрактом того, что послужило материалом для их критики.

Рассмотрев таким образом происхождение и занятия критика, в самом общепринятом и благородном смысле этого слова, перехожу к опровержению возражений тех, кто ссылается на молчание древних писателей; таким способом будто бы можно доказать, что практикуемый сейчас

и мной описанный метод критики насквозь современный и что, следовательно, критика Великобритании и Франции не вправе притязать на столь древнее и знатное происхождение, какое я им приписал. Но если я ясно покажу, напротив, что описание личности и назначения истинного критика, данное древнейшими писателями, согласно с предложенным мной определением, то возражение, построенное на умолчании авторов, тотчас же рухнет.

Признаюсь, я сам долго разделял это общее заблуждение и никогда бы не освободился от него без помощи благородных наших современников, назидательные сочинения которых я неутомимо перечитываю днём и ночью для усовершенствования своего ума и на благо родной страны. С великим усердием произвели они полезные разыскания слабых сторон древних и представили нам объёмистый их перечень ⁶³. Кроме того, они неопровержимо доказали, что лучшее из доставшегося нам от древности сочинено и произведено на свет значительно позже и что все величайшие открытия, приписываемые древним в области искусства и природы, совершены также несравненным гением нашего времени. Отсюда ясно видно, как невелики действительные заслуги

---

⁶³ См. Уоттон. О древней и современной образованности.

древних и как слепы и неосновательны восторги, расточаемые им книжными червями, на своё несчастье, весьма мало осведомлёнными о теперешнем положении вещей. Зрело обсудив предмет и учтя существенные свойства человеческой природы, я пришёл к выводу, что, наверное, все эти древние живо сознавали свои многочисленные несовершенства и по примеру своих учителей, новых писателей, старались в своих произведениях смягчить или развлечь придирчивого читателя при помощи панегирика или сатиры на истинных критиков. Но я как раз весьма сведущ по части избитых приёмов этих двух литературных жанров⁶⁴, благодаря долгому и плодотворному изучению предисловий и прологов; поэтому я решил, не откладывая, попробовать, могу ли я открыть следы того и другого при помощи прилежного чтения самых древних писателей, особенно тех, что повествуют о самых отдалённых эпохах. К крайнему своему изумлению, я нашёл, что, хотя все они, руководясь страхом или надеждой, дают при случае подробные описания истинного критика, но касаются этой темы с крайней осторожностью, облекая её в покровы мифологии или иероглифов. Этим, я думаю, объясняется, почему поверхностные читатели считают молчание писателей доводом

---

⁶⁴ Панегирика и сатиры на критиков.

против древности истинного критика, хотя образы этих писателей так удачны и выведены так естественно, что трудно понять, как могли их проглядеть читатели с современным зрением и вкусом. Из огромного числа таких образов приведу несколько, в полной уверенности, что они положат конец всяким спорам по этому поводу.

Замечательно, что все древние писатели, трактуя иносказательно этот предмет, прибегали обыкновенно к одной и той же аллегории, меняя лишь изложение, соответственно своим склонностям или особенностям своего ума. Так, прежде всего Павсаний держится того мнения, что совершенством своим литературное искусство всецело обязано институту критиков; а то, что он подразумевает не иных каких-нибудь, а только истинных критиков, достаточно ясно, мне кажется, из следующего описания. Это, по его словам, порода людей, любящих лакомиться наростами и излишествами книг; заметив это, писатели по собственному почину стали из предосторожности обрезать в своих произведениях слишком пышные, гнилые, сухие, хилые и чересчур разросшиеся ветви. Но всё это он весьма искусно прикрывает следующей аллегорией: Жители города Навплии ⁶⁵ в Арголиде научились от ослов

---

⁶⁵ Книга.

искусству подрезать виноградные кусты, заметив, что они растут лучше и дают лучшие ягоды, когда их объедает осёл. Геродот⁶⁶, прибегая к той же аллегории, говорит, однако, гораздо яснее, называя вещи почти что своими именами. Он имел смелость обвинить истинных критиков в невежестве и злобе; в самом деле, Геродот как нельзя более ясно говорит, что в западной части Ливии водятся рогатые ослы. Это сведение Геродота дополняет Ктесий⁶⁷, рассказывая о таких же животных в Индии. Тогда как у всех остальных ослов, говорит он, нет желчи, эти рогачи наделены ею в таком изобилии, что мясо их несъедобно по причине крайней горечи.

Причина, почему древние писатели говорили об этом предмете только образно и аллегорически, заключается в том, что они не смели открыто нападать на столь могущественную и грозную корпорацию, какую представляли в те времена критики. Самый голос критиков способен был повергнуть в трепет легион авторов, от ужаса ронявших перья. Так, Геродот⁶⁸ красочно

---

⁶⁶ Книга 4.

⁶⁷ Vide excerpta ex eo apud Photium. (Перевод: Смотри выдержки из него у Фотия (лат.).)

⁶⁸ Книга 4.

рассказывает нам в другом месте, что большая армия скифов была обращена в паническое бегство рёвом осла. Некоторые глубокомысленные филологи строят на этом догадку, что великое благоговение и почтение британских писателей к истинному критику унаследованы нами от наших скифских предков. Словом, страх был таким всеобщим, что с течением времени писатели, желавшие выразить более свободно свои чувства по отношению к истинным критикам различных эпох, принуждены были отказаться от прежней аллегии, как слишком приближающейся к прототипу, и придумать вместо неё другие, более осторожные и туманные.

Так, Диодор, касаясь того же предмета, решается сказать лишь, что на горах Геликона растёт сорная трава, у цветов которой такой пагубный запах, что каждый понюхавший их отравляется. Лукреций даёт точно такие же сведения:

Est etiam in magnis Heliconis montibus arbor,
Floris odore hominem taetro consueta necare.

Lib. 6⁶⁹

Но Ктесий, которого мы только что цитировали, проявил гораздо большую смелость. Истинные критики его времени обращались с ним крайне сурово, поэтому он не мог удержаться от того, чтобы хоть раз не отомстить по-свойски всему этому племени. Намерения его так прозрачны, что я удивляюсь, как могли их проглядеть люди, отрицающие древнее происхождение истинных критиков. В самом деле, под предлогом описания разных диковинных животных Индии, он говорит следующие замечательные слова: Среди других пород здесь водятся змеи беззубые и, следовательно, неспособные кусать; но их блевотина (которую они извергают очень часто), куда бы она ни попала, повсюду вызывает гниение и порчу. Змей этих обыкновенно находят в горах, где залегают драгоценные камни, и они часто выпускают ядовитую жидкость; у каждого, кто напьётся ею, вылезают носом мозги.

Был у древних ещё один род критиков, отличавшийся от предыдущего не по существу, а только по росту или по степени развития. С виду люди эти казались новичками или учениками первых, хотя вследствие деятельности иного характера их часто выделяют в самостоятельную

группу. Обычным занятием этих практикантов было постоянное посещение театров и вынюхивание худших частей спектакля, которые они обязаны были тщательно отмечать и давать о них точный отчёт своим наставникам. Остервенившись, подобно волчатам, на этих мелких охотах, они с возрастом приобретали такое проворство и силу, что могли бросаться и на более крупную дичь. Ведь давно уже замечено, что истинный критик как древности, так и нового времени, подобно проститутке и олдермену, никогда не меняет своего, звания и своей природы; седобородый критик, наверное, был в своё время критиком желторотым, он лишь усовершенствовал и обогатил с возрастом юношеские дарования; его можно уподобить конопле, которая, по утверждению натуралистов, годится для удушения уже в семенах. Мне кажется, мы обязаны изобретением или, по крайней мере, усовершенствованием прологов именно этим юным специалистам, которых Теренций так часто с похвалой поминает под именем Malevoli⁷⁰.

Нет никакого сомнения в том, что институт истинных критиков был совершенно необходим для республики наук и искусств. Ибо все человеческие дела, по-видимому, можно разделить так, как их

---

⁷⁰ Недоброжелатели (лат.).

делил Фемистокл и его друзья: один пиликает на скрипке, другой обращает маленькие деревни в большие города, а кто не умеет ни того, ни другого, того нужно попросту вышвырнуть вон со света. Желание избежать подобной кары послужило, несомненно, первым толчком к появлению на свет племени критиков, а также дало повод их тайным хулителям пустить клевету, будто истинный критик есть нечто вроде ремесленника, которому обзаведение нужными инструментами обходится так же дёшево, как портному, и будто существует большое сходство между орудиями и способностями обоих: ад портного есть прообраз записной книжки критика, а его остроумие и учёность играют роль утюга; чтобы составил законченный учёный, требуется, по крайней мере, столько критиков, сколько нужно портных, чтобы получился человек; наконец, они не уступают друг другу в храбрости, и оружие их почти одинаково. Многие можно возразить на эти возмутительные инсинуации, и я категорически утверждаю, что все эти уподобления совершенная ложь; напротив, для того чтобы вырваться из лап критиков, надо выложить куда больше наличными, чем спасаясь от любой другой корпорации. Как первый богач, желая стать истинным нищим, должен отдать за эту честь всё до последнего гроша, так и звание истинного критика достаётся претендующему

ценой всех его добрых душевных качеств, и сделку можно было бы назвать невыгодной, если бы речь шла о менее важном приобретении.

Приведя подробные доказательства древности критики и описав её первоначальное положение, займусь теперь нынешним состоянием этой державы и покажу, как мало оно отличается от прежнего. Некий автор ⁷¹, все произведения которого потеряны много веков тому назад, говоря о критиках в восьмой главе пятой книги, называет их сочинения зеркалом образованности. Я понимаю эти слова в буквальном смысле, то есть считаю, что, по мнению нашего автора, всякий стремящийся к совершенству писатель должен смотреться в книги критиков, как в зеркало, и исправлять по ним свои произведения. Но если принять во внимание, что зеркала древних делались из меди и *sine Mercurio*⁷², то можно будет тотчас же применить эти особенности к двум главным свойствам современного истинного критика и заключить отсюда, что тут всё осталось и навсегда останется без перемен. Ибо медь есть эмблема долговечности и, если её искусно отполировать, будет отбрасывать

---

⁷¹ Цитата по способу одного знаменитого писателя. См. Бентли, Рассуждение и т. д.

⁷² Без ртути (лат.).

отражения от своей поверхности без помощи подложенной изнутри ртути. На прочих талантах критика не стоит подробно останавливаться, так как все они заключаются в названных и легко могут быть из них выведены. Приведу в заключение три правила, которые могут послужить и характеристикой современного истинного критика, позволяющей отличить его от самозванца, и прекрасным руководством для достойных умов, посвящающих себя столь полезному и почётному искусству.

Первое: в противоположность всякой иной умственной деятельности, критика бывает самой правильной и удачной, когда она результат первого впечатления критика. Так охотники считают первый прицел самым верным, и дело редко обходится без промаха, если они не ограничиваются одним выстрелом.

Второе: истинных критиков узнают по их манере увиваться вокруг самых благородных писателей, к которым они, влекутся инстинктивно, как крыса к старому сыру или оса к сочному плоду. Так и король, выезжая верхом, наверняка оказывается самым грязным всадником всей кавалькады, потому что увивающиеся за ним царедворцы сильнее всех забрызгивают его грязью.

Третье: истинный критик, читая книгу, подобен собаке у стола пирующих, все помыслы

которой устремлены на бросаемые объедки и которая поэтому тем больше рычит, чем меньше костей в кушаньях.

Думаю, что покровители мои, современные истинные критики, удовлетворятся этим моим обращением к ним и сочтут себя вполне вознаграждёнными за молчание, которое я до тех пор хранил по отношению к ним и, вероятно, буду хранить впредь. Надеюсь, я оказал всему их легиону такие услуги, что встречу великодушное и нежное обращение их рук. Ободрённый этими упованиями, смело берусь за продолжение так счастливо начатых приключений.